

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новая книга серии «Наш XX век» посвящена эпохе застоя. Может показаться удивительным, но лично для меня именно этот период нашей истории остается во многом непознанным, неизученным и даже загадочным. То обстоятельство, что я застал эту эпоху, этому не только не мешает, но иногда даже усиливает мой интерес к ней.

Если другие этапы нашей истории вызывают среди специалистов и заинтересованной публики столкновения и ожесточенные споры, то о застое говорить как-то не принято. Прилепили в конце 1980-х ярлык «застой», посмеялись над Леонидом Ильичом и его престарелыми сподвижниками и поспешили в «светлое» будущее перестройки и ускорения.

Предисловие

Прошло совсем немного времени, и период застоя стал восприниматься старшим поколением наших соотечественников как самое светлое, спокойное и безопасное время. Именно к нему апеллируют сегодня те (в том числе и совсем молодые люди), кто критикует современное положение дел во внутренней и внешней политике.

Думаю, что нашему обществу еще предстоит серьезно изучить этот исторический отрезок времени, детально разобраться в процессах и идеях, которые сделали возможным распад СССР и свертывание советского проекта.

Радиопрограммы «Наш XX век», по материалам которых и выпущены книги серии, — это приглашение к разговору, к осмыслению того сложного и неоднозначного времени, которое называется эпохой застоя.

Гия Саралидзе

ЭПОХА ЗАСТОЯ

Г. Саралидзе: Считается, что термин «застой» был впервые введен в оборот в политическом докладе Михаила Сергеевича Горбачева на XXVII съезде КПСС. В своей речи он тогда отметил, что в развитии Советского Союза и в жизни граждан начали проступать некие застойные явления. Сам по себе период не имеет четких хронологических рамок. Кто-то считает, что вся эта эпоха длилась с прихода Брежнева к власти в 1964 году и по 1985/1986 год. Интересно, что слово «застой» имеет отрицательную коннотацию, но период застоя трактуется и в положительном ключе. Давайте разберемся. Во-первых, согласны ли вы вообще с такой хронологией застоя? И как бы вы его охарактеризовали?

Д. Куликов: С периодизацией я не согласен. Ну какой застой в 1964 году, когда Брежнев пришел к власти? По крайней мере до 1976 года застоя не было. Именно при Брежневе были попытки проведения экономических реформ, происходило

сверхинтенсивное освоение сырьевой базы Сибири, БАМ строился вовсю. Тут можно длинный перечень привести. И уровень жизни, между прочим, был самым высоким за всю историю советской власти.

Г. Саралидзе: Можно сказать «застой», а можно сказать — «стабильность».

Д. Куликов: Это же как всегда: отсутствие требовательности в использовании понятий приводит к катастрофе. Я не преувеличиваю. Ну конечно, в высших идеологических институтах, начиная от съездов и заканчивая Институтом марксизма-ленинизма и кафедрами научного коммунизма, все пребывало в состоянии сверхкоматозного сверхзастоя. Никакой живой мысли там не могло появиться. Вся деятельность этих институтов заключалась в переписывании бумаг. Просто подставляли новые фамилии и новые даты. Больше ничего... Там был даже не застой, там был труп. И конечно, если верхняя

сфера, политическая, которая замыкает все народное сознание, превратилась в мертвечину, то быстро возникнет проблема. Это правда. Но во всех остальных процессах застоя не было. Ни в международной политике, ни во внутренней, ни в экономике. Все развивалось. Между прочим, темпы роста были очень высокие. Очень! Сопоставимые с тем, что послереформенный Китай показывал. Наша страна тогда единственная демонстрировала рост, потому что западный мир в 1970-х годах валялся в кризисе.

Конечно, были некоторые отрицательные моменты. Например, сразу после прихода к власти Леонида Ильича было принято решение внести в программу партии тезис о всемерном удовлетворении постоянно растущих материальных и духовных потребностей советских людей. Ну кто и откуда это списал? Это наши Институт США и Канады и другие идеологические органы рассказывали, что на Западе внедряется идеология потребления. И мы ре-

шили таким дурацким способом вступить с ним в конкуренцию. Вдобавок тогда были хвосты, заложенные еще Хрущевым: обещание коммунизма к 1980 году. Ну вот, 1980 год прошел, мишка улетел, а коммунизма нет. И кстати, советские люди справедливо задавались вопросом: а зачем было врать? Понятно, что над Хрущевым все смеялись, но тем не менее. Кроме Хрущева есть же еще партия, есть коллективный орган руководства. Зачем соврали? Это разрушающе подействовало на всё.

Г. Саралидзе: Армен, твоя точка зрения?

А. Гаспарян: Я не совсем понимаю, что такое слово «застой» в данном конкретном случае. Товарищ Сталин критиковал партию за застой в деле продвижения и осмысления марксизма-ленинизма. Это было в 1930-х годах. В 1950-х, после смерти Сталина, Хрущев критиковал Иосифа Виссарионовича за застойные тенденции, как бы мы сейчас сказали,

в вопросах внутренней и внешней политики. Потом приходит Леонид Ильич Брежнев и критикует уже Хрущева за то, что ничего не развивается. Затем приходит Михаил Сергеевич Горбачев, и опять мы слышим слово «застой». То есть получается, что застой — это единственное нормальное положение в стране? Это первый момент.

Второй момент. Если говорить про институты по изучению марксизма-ленинизма, там действительно существовал глубочайший идейно-художественный кризис. Потому что со времен блестящей работы Сталина об основах ленинизма на этой ниве не было создано ровным счетом ничего. Если у вас государствообразующая идеология стагнирует на протяжении нескольких десятилетий, то, конечно, какие-то последствия будут.

И наконец, третье. У нас застой любят критиковать демократы, начиная с первой их волны — с «Демократического выбора

России». Они все время говорят о том, что это была эпоха, когда общество не развивалось. Но я хотел бы напомнить, что как раз с периодом, который принято презрительно называть застоем, связан блестящий подъем, например, советского кинематографа, величайшая плеяда пришла актеров и режиссеров. Какие театры гремели тогда! Давайте об этом тоже не забывать. Был подъем литературы. Давайте вспомним забытые ныне «толстые журналы». Они вышли на пик читательской любви в конце 1960-х годов. Когда вы говорите про застой, уточняйте, что конкретно вы имеете в виду. Потому что, как правило, все сводится к утверждению госдепартамента США про «страну бензоколонок»: если бы не было высоких цен на нефть, то все бы рухнуло. Но это, извините, не застой. Это немножко иначе называется.

Г. Саралидзе: Очень многие, говоря об этой эпохе, практически повторяют те сло-

ва, которые ты, Дима, произнес, — о том, что действительно, было достигнуто какое-то относительное материальное благополучие. Но подчеркивают безразличие, которое охватило общество. Вы согласны с этим? Это идеологическая история или политическая?

Д. Куликов: К 1980 году должен был быть построен коммунизм, но не случилось. А дальше что? Вы хотя бы скажите: «Дорогие граждане, дорогие советские люди! Не удалось к 1980 году построить коммунизм. Но мы построили некий социализм, который то-то, то-то и то-то. А делать нам дальше нужно следующее, и мы будем это делать, потому что вот такой путь предлагается». Но никто ничего подобного не сказал. И даже горбачевская пустая трепотня возникла на запросе: «Скажите, куда мы идем? Что мы строим? Что от нас требуется?» Спрашивали все — и на этом запросе Михаил Сергеевич прекрасно спаразитировал.